

**ОБРАЗ ИДЕАЛА В ДЕТСКОМ ЧТЕНИИ ПУШКИНА:
НРАВСТВЕННЫЕ МОДЕЛИ И ИХ СОВРЕМЕННАЯ
АКТУАЛЬНОСТЬ**

*студент 3 курса группы РФ-23–18 факультета филологии
НЕГОСУДАРСТВЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ УЗБЕКИСТАНА «ALFRAGANUS UNIVERSITY»*

Махмудов Махмудориф Олимжон оглы

— научный руководитель, преподаватель университета

Шукурова Лола Ринатовна.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, детское чтение, нравственный идеал, этическая модель, смирение, верность, внутренняя чистота, художественный образ, аксиология, воспитательный потенциал.

Аннотация. В статье рассматривается образ нравственного идеала в детском чтении произведений А. С. Пушкина. Анализируются «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях» и «Сказка о рыбаке и рыбке» как художественные модели формирования этических ориентиров у юного читателя. Показано, что пушкинские сказки раскрывают нравственный идеал через смирение, верность, внутреннюю чистоту, бескорыстие и ответственность за выбор, а не через прямое морализаторство. Подчёркнута актуальность исследования для современной образовательной практики, учитывающей кризис нравственных норм. Проведен сопоставительный анализ, выявляющий универсальные аксиологические принципы, сохраняющие воспитательный потенциал вне зависимости от историко-культурного контекста.

THE IMAGE OF THE IDEAL IN CHILDREN'S READING OF PUSHKIN: MORAL MODELS AND THEIR CONTEMPORARY RELEVANCE\

— 3rd-year student of group RF-23–18, Faculty of Philology,
Non-State Higher Educational Institution of Uzbekistan «ALFRAGANUS
UNIVERSITY»

Makhmudov Makhmudorif Olimzhon ogly

— Academic supervisor, University Lecturer

Shukurova Lola Rinatovna

Keywords: A. S. Pushkin, children's reading, moral ideal, ethical model, humility, fidelity, inner purity, artistic image, axiology, educational potential.

Abstract. This article examines the image of the moral ideal in children's reading of A. S. Pushkin's works. It analyzes *The Tale of the Dead Princess and the Seven Knights* and *The Tale of the Fisherman and the Fish* as artistic models for the formation of ethical guidelines in young readers. The study demonstrates that Pushkin's tales reveal the moral ideal through humility, fidelity, inner purity, selflessness, and responsibility for choices rather than through direct moralizing. The relevance of the research for contemporary educational practice, particularly in the context of the current crisis of moral norms, is emphasized. A comparative analysis is conducted, highlighting universal axiological principles that preserve educational potential regardless of historical or cultural context.

В системе детского чтения русской литературы произведения А. С. Пушкина занимают особое место, выступая не только как художественные тексты, но и как носители устойчивых нравственных ориентиров. Пушкинская

поэтика, отличающаяся ясностью образной структуры и глубиной этического содержания, формирует у юного читателя представление об идеале личности, основанном на категориях чести, свободы, сострадания и ответственности за нравственный выбор. Не случайно Д. С. Лихачёв подчёркивал, что Пушкин «воспитывает не назиданием, а свободой нравственного выбора, доверяя читателю»¹ [Д.С. Лихачёв, 1984, с.112].

В условиях современного социокультурного кризиса, сопровождающегося размыванием моральных норм, обращение к нравственным моделям, представленным в детском чтении Пушкина, приобретает особую актуальность. Как отмечал М. М. Бахтин, классическое произведение «никогда не исчерпывает своего смыслового потенциала и каждый раз вступает в новый диалог с эпохой»² [М.М.Бахтин, 1979, с. 334].

Вместе с тем в современной образовательной и исследовательской практике сохраняется проблема недостаточной концептуализации нравственного идеала в пушкинских произведениях, входящих в круг детского чтения: их воспитательный потенциал нередко осмысливается фрагментарно либо сводится к общим моральным декларациям без анализа художественных механизмов формирования ценностной модели личности. В этой связи возникает необходимость целостного осмысления образа нравственного идеала в произведениях А. С. Пушкина как устойчивой аксиологической системы, сохраняющей свою значимость вне зависимости от историко-культурного контекста.

Анализ образа идеала в пушкинских произведениях позволяет выявить универсальные ценности, сохраняющие воспитательный потенциал вне зависимости от исторической эпохи.

¹ Лихачёв Д. С. О национальном характере русской литературы. — Л.: Художественная литература, 1984. — С. 112.

² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — С. 334.

1. Образ нравственного идеала в «Сказке о мёртвой царевне и о семи богатырях»

В системе детского чтения пушкинская сказка о мёртвой царевне выполняет функцию этического моделирования личности, предлагая читателю не прямую моральную формулу, а художественно воплощённый образ нравственного идеала. В отличие от дидактических текстов, где ценности формулируются декларативно, у Пушкина нравственный смысл раскрывается через ситуации выбора, в которых персонажи проявляют внутреннюю меру ответственности.

1.1. Смирение как форма внутренней силы

Нравственный идеал царевны основан прежде всего на смирении, однако это смирение не тождественно пассивности или покорности. Оказавшись в пространстве испытаний (изгнание, одиночество, угроза смерти), героиня не предъявляет миру требований, не апеллирует к своему высокому происхождению и не стремится восстановить нарушенную справедливость насильственным путём. В доме семи богатырей царевна добровольно принимает предложенный уклад жизни и берёт на себя труд, утверждая этику соразмерности и самоограничения.

Смирение следует понимать как форму внутреннего достоинства, при которой личность сохраняет нравственную целостность независимо от внешних обстоятельств. В этом смысле пушкинская царевна соотносится с тем типом сказочного героя, который, по замечанию В. Я. Проппа, «подлинная ценность сказочного героя раскрывается не в награде, а в способе прохождения испытаний»³ [В.Я.Пропп, 1946, с.89]. Смирение у Пушкина — это активное моральное состояние, предполагающее осознанный выбор не зла и не мести, а сохранения человечности.

³ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1946. — С. 89.

1.2. Верность как нравственная устойчивость личности

Верность в пушкинской сказке приобретает аксиологическое значение: она выступает как ответственность за данное слово и как форма внутренней честности. Такая трактовка соответствует пушкинской концепции человека, о которой писал Д. С. Лихачёв: Пушкин «создаёт этику доверия к человеку, раскрывая ценность внутренней честности и верности как основы гармонии личности»⁴ [Д.С. Лихачёв, 1985, с. 214]. Для детского сознания данный образ важен тем, что верность представлена не назидательно, а как естественное состояние цельной личности.

1.3. Нравственная чистота и отказ от ответного зла

Особую роль в формировании нравственного идеала играет мотив внутренней чистоты, который выстраивается через контраст с образом мачехи. Зависть, гордыня и жажда превосходства определяют разрушительную модель поведения царицы, тогда как царевна не вступает в прямой конфликт, не разоблачает и не мстит. Даже в эпизоде с отравленным яблоком её гибель оказывается следствием доверия и сострадания.

Отказ героини от ответного насилия придаёт её образу особую этическую значимость. Как отмечал М. М. Бахтин, «нравственная ценность художественного образа определяется не декларацией идеалов, а способом бытия героя в мире»⁵ [М.М.Бахтин, 1979, с.301]. Царевна существует в логике несопротивления злу злом, что делает её образ универсальным нравственным ориентиром, доступным детскому восприятию.

1.4. Смысл финала и утверждение нравственного закона

Финал сказки имеет принципиальное этическое значение: возрождение царевны и гибель царицы символизируют утверждение нравственного закона,

⁴ Лихачёв Д. С. О русской литературе. — Л.: Художественная литература, 1985. — С. 214.

⁵ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — С. 301.

согласно которому внутренняя чистота и верность оказываются сильнее зависти и разрушительной страсти. Зло в пушкинском мире не побеждается внешним насилием, а разрушается собственной внутренней несоразмерностью бытию.

Характерно, что восстановление гармонии осуществляется без активного возмездия со стороны положительных героев: царевна не противостоит мачехе, не разоблачает её и не мстит, а сохраняет нравственную цельность даже в ситуации гибели (*«она, как под крылышком у сна, / так тиха, свежа лежала»*)⁶ [А.С. Пушкин, 1977, с.215]. Образ царевны воплощает нравственный идеал, основанный на смирении (*«взялась за дело без отказа»*), верности (*«я невеста королевича Елисея»*)⁷ [Там же, с.217] и чистоте, проявляющейся в отказе от ответного зла. Напротив, царица, движимая гордыней и завистью (*«я ль на свете всех милее...»*)⁸ [Там же, с.210]), гибнет от собственного нравственного распада, что подчёркивает саморазрушительную природу зла.

2. Образный анализ положительных персонажей в «Сказке о рыбаке и рыбке»

2.1. Образ старика: смирение и нравственная мера

Старик является носителем традиционного нравственного сознания, основанного на смирении, терпении и внутренней честности. Его поступок — освобождение золотой рыбки «без откупа» — задаёт исходную этическую норму сказки: добро не требует вознаграждения. Данный жест

⁶ Пушкин А. С. Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. — М.: Наука, 1977. — Т. 4. — С. 215–228.

⁷ Там же

⁸ Там же

свидетельствует о глубинной ориентации героя на сохранение естественного порядка бытия.

Смирение старика проявляется и в его отношении к требованиям старухи. Он не вступает с ней в открытый конфликт, однако испытывает тревогу перед нарушением меры и внутреннее сопротивление безмерным желаниям. Его поклоны рыбке указывают не на раболепие, а на осознание ответственности перед высшей силой. Д. С. Лихачёв отмечал, что Пушкин формирует образ человека, «живущего по совести, а не по праву силы»⁹[Д.С. Лихачёв, 1999, с.87].

2.2. Образ золотой рыбки: милосердие и нравственный закон

Золотая рыбка представляет надличностный нравственный закон, действующий вне человеческих страстей. Она не наказывает старуху напрямую, а исполняет её желания, предоставляя человеку свободу нравственного выбора. Молчаливый отказ рыбки в финале — «*лишь хвостом по воде плеснул*»¹⁰ [А.С. Пушкин, 1977, с.145] — имеет символическое значение: нравственное возмездие осуществляется не как акт насилия, а как восстановление нарушенной меры.

Как справедливо отмечал М. М. Бахтин, «этическая ценность художественного образа определяется не декларацией идеалов, а способом его бытия в мире»¹¹[М.М.Бахтин, 1979, с. 301]. Рыбка воплощает справедливость, лишённую гнева, и милосердие, ограниченное нравственным законом.

3. Целостная модель нравственного идеала и сопоставительный анализ

⁹ Лихачёв Д. С. Раздумья о России. — СПб.: Logos, 1999. — С. 87.

¹⁰ Пушкин А. С. Сказка о рыбаке и рыбке // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. — М.: Наука, 1977. — Т. 4. — С. 145–152.

¹¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — С. 301.

Во взаимодействии старика и золотой рыбки формируется целостная модель нравственного идеала, основанная на смирении, бескорыстии, ответственности и уважении к мере. Старик представляет человеческий уровень нравственного выбора, рыбка — универсальный моральный порядок. Их образы противопоставлены старухе, чьё поведение определяется гордыней и жаждой власти, что подчёркивает саморазрушительную природу зла.

Сопоставительный анализ «Сказки о мёртвой царевне и о семи богатырях» и «Сказки о рыбаке и рыбке» позволяет выявить единый пушкинский аксиологический принцип: нравственная ценность личности определяется не внешним успехом, властью или социальным статусом, а внутренней мерой, верностью нравственному выбору и способностью сохранить человеческое достоинство в условиях испытаний.

В образе царевны этот идеал реализуется через смирение, чистоту и отказ от ответного зла; в образе старика — через терпение, бескорыстие и ответственность перед высшим нравственным законом. Золотая рыбка, как и финал сказки о мёртвой царевне, воплощает надличностный моральный порядок, в рамках которого зло разрушается собственной внутренней несоразмерностью.

Таким образом, пушкинские сказки, входящие в круг детского чтения, выступают не только как художественные тексты, но и как универсальные нравственные модели, сохраняющие воспитательный потенциал вне зависимости от историко-культурного контекста. Их ценность заключается в том, что нравственный идеал представлен не в форме назидания, а через художественно переживаемый опыт свободного выбора, что обеспечивает его глубокое и устойчивое усвоение юным читателем.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачёв Д. С. О национальном характере русской литературы. — Л.: Художественная литература, 1984. — С. 112.

2. Лихачёв Д. С. О русской литературе. — Л.: Художественная литература, 1985. — С. 214.
3. Лихачёв Д. С. Раздумья о России. — СПб.: Logos, 1999. — С. 87.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — С. 301, 334.
5. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1946. — С. 89.
6. Пушкин А. С. Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. — М.: Наука, 1977. — Т. 4. — С. 215–228.
7. Пушкин А. С. Сказка о рыбаке и рыбке // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. — М.: Наука, 1977. — Т. 4. — С. 145–152.